

«ЛЖЕПОЛЯК» ПРИБУРО

Среди сотен архивно-следственных дел репрессированных, которые довелось изучать в архиве УФСБ по Томской области, встретилось очень много польских фамилий и имен. Но далеко не у всех из них в анкете арестованного есть записи о том, что они были поляками. Причиной этого были и так называемый естественный процесс русификации многих потомков ссыльных поляков второй половины XIX века и страх называться поляком в советские времена. Люди в те суровые времена в СССР предпочитали быть белорусами, украинцами, еще лучше русскими, но не поляками...

И все же нет правил без исключения. Среди огромного количества дел удалось познакомиться с судьбой человека, который, не будучи поляком по происхождению, в течение длительного времени в самые репрессивные годы вплоть до ареста в 1952 году во всех документах указывал, что он поляк. И так по порядку.

Все началось с того, что 13 марта 1952 года в городе Томске у себя на квартире сотрудниками УМГБ был арестован шестидесятилетний фотограф областного музея Теодор Тадеушевич Прибуро. Из постановления на его арест видно, что Прибуро был арестован по обвинению в антисоветской агитации и распространении «зловных клеветнических измышлений на руководство ВКП (б), советское правительство и советскую действительность» на основании свидетельских показаний нескольких его «доброжелателей». Ими оказались Е.М. Пеняев, заведующий музеем материальной культуры госуниверситета (его жена работала вместе с Прибуро в краеведческом музее), В.С. Синяев, заведующий музеем имени В.В. Куйбышева госуниверситета и некий Г.А. Уразов, начальник конструкторского бюро завода № 690. Эти уважаемые люди посчитали своим долгом проинформировать «компетентные органы» о том, что в течение ряда лет гражданин Прибуро в неоднократных беседах с ними высказывал им свою точку зрения на окружающую действительность и эти взгляды не иначе как антисоветскими назвать нельзя. Так, например, согласно показаниям Уразова, Прибуро заявлял, что советская печать необъективно отражает международные события. В другой раз рассказал Уразову антисоветский анекдот, в котором якобы в злобной форме клеветал на одного из руководителей партии и советского правительства, ну и так далее в таком же духе... Это сейчас нам подобные обвинения кажутся мелочными и просто смешными, а тогда за подобные обвинения люди расплачивались жизнями.

Одним словом, целая бригада сотрудников УМГБ в количестве четырех человек пришли арестовывать пожилого человека, далеко не всякий опасный рецидивист – уголовник удостоивался такого внимания при своём аресте. После обыска в присутствии понятых и изъятия из его квартиры многих личных вещей, в числе которых было также 10 фотоаппаратов, Прибуро был доставлен в следственную тюрьму УМГБ, сфотографирован и допрошен. В анкете арестованного записано, что аресту был подвергнут Теодор Тадеушевич Прибуро, 1892 года рождения, уроженец города Кельцы (Польша), из крестьян, не судим, поляк, гражданин СССР. Эти же данные подтверждал изъятый при аресте его паспорт, выданный ему в Москве в 1938 году.

В ходе дальнейших допросов арестованного Прибуро были выявлены не только другие сведения из его биографии, но и то, что это не тот человек, за которого он себя выдает. В ходе допросов Прибуро признался, что по настоящему он не поляк, а украинец, и звать-величать его не Теодор Тадеушевич, а Федор Терешкович. И что уроженец он не города Кельцы, а села Кошеватовая Таращанского района Киевской области. Смену имени,

национальности и других своих биографических данных осуществил ещё в январе 1919 года с целью уклонения от службы в колчаковской армии.

На момент начала Февральской революции 1917 года Федор Прибуро служил счетоводом в управлении службы пути Омской железной дороги. Впоследствии оказался в водовороте гражданской войны. В 1919 году, не желая воевать в белой армии, назвался поляком, так как поляки, оказавшиеся в Сибири, считая себя подданными только что воссозданной Польши, добились от колчаковского правительства права освобождения себя от службы в российской армии и активно занимались созданием своих вооруженных сил. Вот и Федор Прибуро, назвавшись Теодором Прибуро, поляком по национальности, получил в польской миссии фиктивный документ и право не служить в белой армии. Правда, в польскую армию он тоже не пошел. В 1920 году он оказался во Владивостоке и поступил на службу письмоводителем в окружной суд. В феврале 1923 года со службы уволился и уехал на жительство в Москву, где и жил вплоть до начала Великой Отечественной войны, работая в разных учреждениях. Очевидно, здесь же в Москве он приобрёл новую профессию фотографа, так как последним местом его работы в столице была работа фотографом в городском комитете творческих кино-фото работников.

В 1941 году он был эвакуирован в Томск и все годы войны проработал в нашем городе в Кировском райкомбинате в качестве фотографа. С мая 1945 года до 1949 года подрабатывал также фотографом в томском университете (вот откуда знакомство с работниками музеев университета). В мае 1951 года Прибуро был принят фотографом в Томский областной краеведческий музей.

У нас отсутствуют сведения о его работе и её результатах в данном учреждении как музейного работника ввиду её непродолжительности в связи с арестом. Однако со слов допроса свидетеля Донченко известно, что Прибуро удалось поработать в 1951-52 годах фотографом в археологической экспедиции, что занималась раскопками стоянки древнего человека в районе Басандайки. Вполне вероятно, что в фотофонде музея можно будет найти снимки, выполненные Прибуро, но не об этом в данном случае идет наше повествование, а его дальнейшей судьбе.

Отметим, что «компетентные органы», собрав в ходе следствия дополнительные сведения об арестованном, существенно дополнили обвинительное заключение на арестованного. В частности, в нем появились строки о том, что Прибуро является врагом Советской власти уже с 1921 года. В частности, в городе Владивостоке в период оккупации города японскими и американскими интервентами поступил на службу в белогвардейские судебные органы и работал письмоводителем у следователя по особо важным делам вплоть до момента разгрома иностранных интервентов... Ну, а дальше следовало, что он продолжал оставаться на враждебных позициях и своей борьбы против существующего в СССР государственного строя не прекращал вплоть до настоящего ареста.

Примечательно то, что в обвинительном заключении по делу Прибуро нет ни строчки по обвинению его в том, что в течение длительного времени он фактически выдавал себя за другого, искажил свои анкетные данные. Судя по всему, следователей это особенно и не интересовало, так как не содержало политического подтекста.

Согласно приговора от 7 мая 1952 года Теодор, он же Федор Прибуро был признан виновным по статье 58-3 и 58-10 часть 2 УК РСФСР, и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.05.1947 года «Об отмене смертной казни» подвергнут заключению в советские лагеря сроком на 25 лет с добавлением поражения в правах еще на 5 лет. Отбывать наказание его отправили в один из многочисленных лагерей Севкузбаслага МВД СССР.

Отбыв в лагере более двух лет, уже после смерти Сталина, он подал жалобу о пересмотре своего дела. К заявлению приложил справку начальника медсанчасти лагеря о том, что является инвалидом. Рассмотрением его дела занимался работник Томского управления КГБ подполковник Лещев. Тот, внимательно изучив дело, сделал заключение, что обвинение Прибуро в части статьи 58-10 часть 2 УК РСФСР основано только на показаниях трех свидетелей и что этот пункт обвинения следовало бы перевалифицировать на статью 58-10 часть 1. Что касается статьи 58-3, то её вообще следовало бы исключить из обвинения за недоказанностью. И как общий итог – снизить срок наказания Прибуро с 25 лет до 5 лет лишения свободы, а, применяя Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», и вовсе освободить его из-под стражи.

Как видно из архивно-следственного дела, из лагеря Федора Прибуро освободили 9 августа 1955 года. Прибыв из города Кемерово, где находился в заключении, он вновь приехал в Томск и был принят на работу в областной музей в качестве смотрителя музейных экспозиций. Сведения о его дальнейшей судьбе в деле отсутствуют.